

- jahresschrift für Slavistik, Jg. XXX : 2).
- Mägiste, J. 1982—1983, *Estnisches etymologisches Wörterbuch*, Helsinki.
- Munkácsi, B. 1986, *Wogulisches Wörterbuch*. Geordnet, bearbeitet und herausgegeben von B. Kálmán, Budapest.
- Pokorny, J. 1949—1959, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I*, Bern.
- Roll, T. 1985, *Värvinimetused ja nende kujundiline osa regivärsilises pulmalaulus*. — *Tõid eesti filoloogia alalt X* (TRÜT 699), Tartu.
- Suhonen, S. 1980, *Balttilaisten lainasanojen levikistä ja merkityspiirteistä itämerensuomalaisissa kielissä*. — *Vir.*, 189—211.
- Thomsen, V. 1931, *Berührungen zwischen den finnischen und den baltischen (litauisch-lettischen) Sprachen* (Samlede Afhandling IV), København.
- Toivonen, Y. 1928, *Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten*. — *FUF XIX*, Helsinki.
- Viires, A. 1983, *Eestlaste värvimaailm*. — *KK*, 290—301.
- Viits, T.-R. 1983, *Läänemeresoomlaste maahõive ja varaseimad kontaktid*. — *Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae*, Helsinki (MSFOu 185), 265—281.
- Vitkauskas, V. 1985, *Balsių a ir u kaita kai kurių žodžių šaknyse*. — *Tarptautinė baltistų konferencija 1985 m. spalio 9—12 d. Pranešimų tezės*, Vilnius.
- Wiedemann, F. J. 1973, *Eesti-saksa sõnaraamat*, Tallinn.
- Абаев В. И. 1958, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, Москва—Ленинград.
- Аникин А. Е. 1984, *Заметки по семантической реконструкции*. — *Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии*, Москва, 21—26 мая 1984 г. Тезисы докладов, Москва.
- Хелимский Е. А. 1985, *Fenno-ugrica в «ятвяжском» словаре? — Tarptautinė baltistų konferencija 1985 m. spalio 9—12 d. Pranešimų tezės*, Vilnius.

LEMBIT VABA (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.3.14>

Ю. В. Андуганов, *Мут але мут сочетаний? Йошкар-Ола, Марий книга издательство, 1985. 158 с.*

За последние пять лет издано несколько монографий и словарей, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы марийского языкознания. Среди них работа Ю. Андуганова заслуживает особого внимания с научно-практической точки зрения. Она посвящена одной из наиболее спорных проблем — разграничению сложного слова и словосочетания. В марийском, как и во многих других финно-угорских языках, до настоящего времени не определены критерии разграничения этих двух категорий. Ю. Андуганов предпринял первую попытку системно исследовать проблемы сложного слова и словосочетания в марийском языке.

При решении вопросов разграничения сложного слова, образованного способом подчинения, и словосочетания в финно-угорских языках у многих авторов доминирует тот или иной принцип. Работа Ю. Андуганова выгодно отличается тем, что при выяснении указанных соотношений он взял за основу совокупность принципов (аспектов): фонетико-просодиче-

ский, морфологический, семантический и синтаксический. Правда, перечисленные в книге фонетико-просодические признаки, отличающие сложное слово от словосочетания, не достаточно наглядно представлены: размышления о фонетических изменениях встречаются по всей работе, в разделе же «Фонетико-просодический аспект» главным образом говорится о морфологических формах выражения компонентов сложного слова и словосочетания (с. 50—61).

При описании двух языковых единиц — слова и словосочетания — важно подчеркнуть, что первая — это цельнооформленная единица, что проявляется на фонетическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. На фонетическом уровне сложное слово, образованное способом подчинения, характеризуется одним ударением (при основном возможно дополнительное): *пёрткэйык* 'воробей', *вудпёрсын* 'водоросль', *лошудо* 'лопух'. В сложных словах, образованных способом сочинения,

как правило, компоненты сохраняют свое ударение: *ача-ава* 'родители', *йюд-кэче* 'сутки', *шема́ле-йошкарэе* 'темно-красный', *сурта́н-печан* 'имеющий двор с постройками', *иза́к-ши́жара́к* 'брат с сестрой'. Одни сложные слова подчинительного типа не претерпевают каких-либо фонетических изменений: *ончы́лмут* 'предисловие', *олмапу* 'яблоня', *вју́ршер* 'пульс'; в других таковые происходят (ассимиляция, диерезы, гаплоглогия и др.): *йо́лгорно* 'тропа' (*йо́л* 'нога' + *корно* 'дорога'), *изава* 'мачеха' (*изи* 'маленький' + *ава* 'мать'), *й́стембал* 'поверхность стола' (*й́стел* 'стол' + *й́мбал* 'поверхность'), *камво́заш* 'упасть' (*каен* 'уйдя' + *во́заш* 'лечь').

Говоря о семантическом аспекте, автор перечисляет функции компонентов сложного слова и словосочетания (с. 92—95), группы по семантической спаянности компонентов сложного слова (с. 99—101). Однако стержневую мысль: сложное слово в отличие от словосочетания выражает качественно новое значение, не сводимое к сумме значений компонентов (об этом сказано при оценке работы Г. С. Патрушева, с. 91), следовало более четко выделить. После определения платформы можно описывать изменения в семантической структуре сложного слова: части сложного слова теряют или изменяют свое лексическое значение. Описание изменений в семантической структуре сложного слова как основа семантического аспекта в книге отсутствует.

При рассмотрении проблемы в морфологическом аспекте Ю. Андуганов, следуя за Р. Куллем, пишет, что при образовании сложного слова из словосочетания с первым компонентом — определительным существительным нужно говорить о номинативном словосложении (с. 69—70), и приводит примеры по моделям: ЛМ_{ном.} — ЛМ, ЛМ_{ген.} — ЛМ, ПМ — ЛМ, ПМ_{кач.} — ЛМ, ПМ_{отн.} — ЛМ, ЧМ — ЛМ, Н — ЛМ, П — ЛМ и т. д., в которых трудно разграничить слова и словосочетания. Здесь не совсем убедительны примеры со словосочетаниями (автор понимает их как сложные слова), в которых первым компонентом выступает существительное в родительном падеже или одним из компонентов является причастие (с. 77—79, 88—90).

На морфологическом уровне в слож-

ных словах подчинительного типа, как в определительных словосочетаниях марийского языка, словоизменению подвергается второй (когда их более двух — последний) компонент. В именных сложных словах сочинительного типа возможно изменение обоих компонентов: *кид-йолым шеклане* 'руки-ноги береги', *ача-авам пасале* 'уважай родителей'; можно *ачам-авам*, *кидым-йолым*. По мнению рецензента, достаточно выделения этой основной идеи вместо перечисления четырех морфологических признаков сложного слова, из которых два первых означают одно и то же, третий не совсем точно сформулирован, а четвертый скорее является синтаксическим признаком (с. 65).

Перечисляя синтаксические признаки, отличающие сложное слово от словосочетания (с. 102—103), Ю. Андуганов под пунктом 1 пишет о неизменности порядка компонентов сложного слова (*мјкши еш* 'пчелиная семья', *чодыра пеледыш* 'лесной цветок') по сравнению со словосочетанием (*мјкшыын ешыже, чодырасе пеледыш*). Исходное положение верно: на синтаксическом уровне целью оформления сложного слова рассматривается прежде всего с точки зрения валентности (возможности сочетаться) его компонентов. Слова как члены предложения или как компоненты словосочетания подчиняются законам валентности того или иного языка, в частности, при прямом порядке слов определение и прямое дополнение в марийском языке, как и первый компонент подчинительного словосочетания, стоят перед определяемым словом: *кј пёртым ыштена* 'строим каменный дом', *у пёртым чо́рена* 'строим новый дом', *мјкши ешым ончена* 'ухаживаем за пчелиной семьей'. То, что линейная последовательность компонентов словосочетания тождественна с последовательностью частей в сложном слове подчинительного типа, подтверждают и примеры в книге (с. 102): изменение местоположения компонентов словосочетания влечет за собой обособление; при обособлении же разрушается структура словосочетания и образуются полупредикативные отношения. Что касается семантической стороны, можно говорить о перестановке частей (компонентов), когда есть условия смысловые, логические. Для перестановки компонентов в словосочетани-

ях *мјки еш, чодыра пеледыш* нет таких условий (с. 102).

Несостоятелен пункт 4 (часть сложного слова отдельно не может служить членом предложения): в предложении член может быть выражен любым словосочетанием, в том числе причастным и деепричастным оборотами, компоненты которых раздельно не являются членами предложения.

Теоретическое положение пункта 3 (об отсутствии определяющего слова у первого компонента словосочетания) противоречит установленному самим же автором написанию (в приложенном к книге словаре: *йочаній, йочасад* (с. 118)). У первого компонента *йоча* 'ребенок' может быть определяющее слово, например, *изи йоча пій* 'зуб маленького ребенка', *изи йоча сад* 'сад для маленьких детей, т. е. ясли'. При характеристике по всем аспектам это будут не сложные слова, а словосочетания.

В работе Ю. Андуганова не назван главный синтаксический признак, обуславливающий отличительные признаки сложного слова и словосочетания, — возможность сочетания компонентов сложного слова с другими словами. В сложном слове подчинительного типа в отличие от словосочетания один из компонентов (оба или более) не может сочетаться с другими словами без изменения лексического значения. Синтаксический план тесно связан с семантическим.

В книге не выделены четко признаки, разграничивающие сложное слово и словосочетание; многие слова, представленные в словаре как сложные, вызывают возражения: *ашнымејдыр* 'приемная дочь', *вакшоа* 'хозяин мельницы', *икшывыпѳрт* 'детский дом', *йымалтувыр* 'нижняя рубашка', *кайыкшудыр* 'крыло птицы', *лумкуымах* 'сгребание снега', *мешаккылдыш* 'завязка мешка', *олыкмарий* 'луговой марнец', *пийкыша* 'след собаки', *рывыжковаште* 'листья шкура', *сливапеледыш* 'цветы сливы', *теґрызкол* 'морская рыба', *ушкалкјтј* 'стадо коров', *јдымыпасу* 'засеянное поле', *чывычоґрештымах* 'полет курицы', *эрвелмарий* 'восточный марнец', *юмынава* 'божья мать', *ялмучаш* 'конец деревни' и др. (здесь отобрано по слову на каждую букву). По каким критериям данные слова отнесены к сложным? Например, *рывыжковаште* 'шкура

лисы' по всем аспектам: 1) оба компонента имеют ударение, нет фонетических изменений; 2) оба компонента сохраняют свое прямое лексическое значение (лиса и шкура); 3) как в любом атрибутивном словосочетании, морфологически изменяется только второе слово (*коваште*); 4) оба компонента могут вступать в сочетание с другими словами без лексических изменений: *рывыж меж* 'мех лисы', *рывыж йол* 'нога лисы', *рывыж поч* 'хвост лисы', *рывыж шинча* 'глаза лисы' и т. д.; *маска коваште* 'шкура медведя', *мераґ коваште* 'шкура зайца', *ур коваште* 'шкура белки', *пий коваште* 'шкура собаки' и т. д., не является сложным словом.

В рецензируемой работе встречаются неубедительные обоснования слитного написания (с. 38, 43—44 и др.) или неприемлемые варианты: *кумло-нылле, лу-коло-кумло-нылле* (с. 44). Можно писать *кумло-нылле* при обозначении неточного числа: *кумло-нылле кечыште* 'дней через тридцать-сорок'. Но что означает *лу-коло-кумло-нылле*? При таком перечислении слов список можно продолжить.

Наконец, автор пишет, что в его задаче не входило определение правил написания сложных слов, однако к книге приложен словарь, на каких тогда основаниях он составлен? В нем многое противоречит традиции написания сложных слов и словосочетаний в марийском языке. Нельзя оставить без внимания и один из вопросов практического применения теории, а именно: связь между пониманием сложного слова и правописанием. Сложное слово отличается от словосочетания графически. Компоненты словосочетания пишутся раздельно. Сложное слово, образованное способом подчинения, пишется слитно; компоненты сложного слова, образованного способом сочинения, пишутся через дефис.

В разграничении сложного слова подчинительного типа и словосочетания следует последовательно придерживаться определенных принципов. Для чего осложнять и без того нелегкие вопросы типа: сложные слова могут писаться и слитно, и раздельно? Составные числительные и составные глаголы марийского языка, по мнению Ю. Андуганова, являются сложными словами (с. 49), но доказательств в книге нет. Что касается составных гла-

голов марийского языка, это — лексико-грамматический разряд слов, образующий видовые классы. Сложные слова — лексические единицы. Здесь нетрудно определить принадлежность языковой единицы к слову или словосочетанию — соответственно и ее правописание.

В плане дефиниции терминов современное марийское языкознание испытывает острую нужду. Необходимость определения таких основополагающих понятий, как предложение, слово, словосочетание, не вызывает сомнений. В работе Ю. Андуганова *мут* и *шомак* (с. 13 и др.), *предложений* и *ой* (с. 5, 46 и др.) употребляются как синонимы-дублеты. В современной научной литературе слово *мут* все яснее обретает свойства научного термина со значениями лексема, или слово-тип (англ. word as type), и аллолекса, или слово-член (англ. word as member). *Шомак* встречается в разговорной речи как бытовое со значениями: разговор, речь, слово; молва, слух, сплетни. Прослеживается определенная аналогия в соотношении *предложений* ↔ *ой*. Термин *предложений* — категория синтаксиса, а *ой* — слово со значениями: мысль, дума, размышление, мечта; мнение; предложение, совет, наставление; слово, речь. При разграничении единиц языка и речи возможно сопоставление *предложений* и *ой* как двух терминов: *предложений* как одна из основных единиц синтаксиса, противопоставляемая слову и словосочетанию, *ой* — единица речи (в устном и письменном варианте), оформленная по законам данного языка. Употребление парных слов, как *ой-предложений* (с. 5) засоряет неустановившуюся терминологию.

При разграничении подчинительного и сочинительного типов образования сложных слов удачны термины *ушалтше мут* и *мужыран мут*, вошедшие в научный

оборот. Можно сказать точнее: *ушалтше ойн дене лийше сложный мут* 'сложное слово, образованное способом подчинения' и *мужыраҥме ойн дене лийше сложный мут* 'сложное слово, образованное способом сочинения', так как и то и другое — сложное слово.

Неоправданно осложнение изложения оборотами и словосочетаниями, которые звучат неестественно: *морфологический чурий* (с. 9, 6 и др.), *грамматический койыш-тїс* (с. 18), *периодикын лышташ-лаштыже* (с. 29), *чекым колташ* (с. 29), *ойырте м сынышт* (с. 9), *номинаций сомылым шуктат* (с. 9), *возымо йон... негыз гыч шога* (с. 19—20), *шымлымылан пӧлеклыме... статьяштыже* (с. 27), парными словами: *ой-предложений* (с. 5), *койыш-тїс* (с. 18), *тїс-ойырте м* (с. 33); нарочитое повторение «полюбившихся» слов: *шумлык* (почти на каждой странице), *солнен* (< *солнаш*), *савыртыш* (вместо *мут савыртыш*); *возедыме* (с. 50), *возедымаш* (с. 19), *келесыр* (с. 8 и др.), *оҥаралтыже* (с. 10, 63), *кончыш* (с. 8); тяжеловесные определения: *кїжмалташан грамматический тичмашлык*, *кїжмалташан грамматический посна каласалташ* (с. 14); труднодоступные объяснения при примерах (с. 43, 60, 61—62, 96, 97 и 109 и др.); нелингвистически сформулированные вопросы в стиле разговорной речи: *мо дене ойыртемалты?* *мо се мын ойырман?* (с. 12, 26, 33, 39, 91 и др.). В результате излагаемый материал воспринимается с трудом.

Все сказанное свидетельствует о том, как нелегко писать о фундаментальных, неразрешенных проблемах марийского языкознания. В плане постановки вопроса работу Ю. Андуганова трудно переоценить. Как первое специальное исследование, она способствует дальнейшей разработке проблемы сложного слова и словосочетания в марийском языке.

Л. П. ВАСИКОВА (Йошкар-Ола)